ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

Вл. ВОЙТИНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИН
1 9 2 4

Вл. ВОЙТИНСКИЙ

ГОДЫ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

КНИГА ВТОРАЯ

НА УЩЕРБЕ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИН
1 9 2 4

После этого старший надзиратель стал в глазах уголовной шпаны героем. И он нашел способ держать эту шпану в повиновении. Своей изувеченной рукой он напоминал уголовным:

— Я себя не пожалел, чтобы вашего от смерти спасти. Значит, должны теперь вы меня слушаться...

В нашей камере были книги, был стол, можно было писать, заниматься.

Заключенные жили коммуной. Крепостники, вместо тюремного пайка, получали по 20 копеек в день. Покупали через надзирателя продукты на базаре и варили обед на керосинке, исполняя по очереди обязанности повара.

В начале декабря состоялся мой суд. Дело было назначено к слушанию при открытых дверях. За смертью А. Литкенса (Евгения) я был единственным обвиняемым. В качестве свидетелей было вызвано человек 10 крестьян деревни Хорино. В зал суда набралось много публики — из местной интеллигенции. Но заседание продолжалось не более 5 минут. В самом начале, на вопрос о моем звании, я ответил:

— Лишенный прав состояния, каторжанин.

Среди судей произошло движение. Товарищ прокурора предложил прервать слушание дела до получения официальной справки по этому новому обстоятельству. Заседание было закрыто. А неделю спустя, на распорядительном заседании, Палата решила прекратить дело.

* * *

Товарищи по камере много раз просили меня рассказать им об екатеринославской тюрьме, о бойне 29-го апреля, о военных судах и, в особенности, о смертных казнях. Сперва я избегал разговоров на эти темы. Но после суда согласился прочесть «доклад» о смертной казни.

Материала оказалось много. «Доклад» занял два вечера и произвел на товарищей сильное впечатление. Но

еще сильнее подействовала на меня самого необходимость воскресить в памяти картины, оставшиеся позади меня, в Екатеринославе. Явилась острая потребность всем сказать о том, что видел я в Екатеринославе, и я сел писать обширную статью, которой дал название «Среди виселиц»[1]). Эта работа нервно измучила меня.

В заключение статьи я писал:

... «перешагнув через тюремный порог, не уйдешь от этого кровавого ужаса. Ужас положения не в том, что здесь, вблизи, совершаются убийства людей через посредство палача, и я не могу помешать этим убийствам. Ужас в том, что эти убийства, вообще, совершаются... Я мог бы быть далеко, мог бы быть по ту сторону тюремной стены, мог бы не видеть, не слышать ничего. Было-ли бы это лучше для меня? Нет! Ибо ничего нет отвратительнее спокойствия человека, основанного на том, что человек не видит и не слышит того, что происходит вдали от него. Пусть в куски рвется сердце, но человек должен все видеть, все слышать. Это лучше, чем благополучное существование с закрытыми глазами и заткнутыми ушами».

Переправив (нелегальным путем) статью на волю, я в тот же день подал начальнику тюрьмы прошение об обратной отправке меня в Екатеринослав.

В московской пересыльной тюрьме нашли, что я иду не по форме: заковали меня и отобрали очки.

В Екатеринослав я прибыл в сочельник. Рождество провел в пересыльной камере с уголовными. Там же встретил 1910 новый год. Вскоре после этого меня перевели в башню, в которой я сидел до отправки в Новгород.

С месяц еще ходил в кандалах: администрация ждала, чтобы я подал заявление о расковке, а я такого заявления не подавал, считая неправильным постановление приемочной комиссии об освобождении меня от кандалов. Перед посещением тюрьмы каким то начальством в нашу башню

[1]) Позже она появилась в «Вестнике Европы» под измененным заглавием «Смертники».